
Я вижу дом, а дом меня не видит...
Мой дом из детства. Он давно снесён,
И если кто-то вдруг из дома выйдет, —
Не докричатся, не услышит он.

И сквозь меня, как будто я лишь воздух,
Сквозь боль мою душевную и мрак,
Проходит мама... Мама скажет: «Вот бы
Сын позвонил, ведь что-то с ним не так...»

Я к ней бегу, как маленький: «Родная!
Я здесь, я твой, домой хочу назад!...»
...Кружится пепел, как воронья стая,
И я бреду куда-то наугад...

Кузнечик прыгает в окно —
Он ест лишь из моей тарелки.
Мы с ним играем в домино —
Пока врачи несут таблетки.

В больнице тишь и благодать.
Все буйные лежат в постелях,
А если будут бунтовать —
Их в мясорубках перемелют.

Вот этот страх и этот бред
Кузнечику шепчу на ухо...
«Отстань! — кричит в сердцах сосед, —
Я не кузнечик, я ведь муха!..»

...И долгих сорок тысяч лет
Рифмуя калий, кальций, натрий,
На сцене корчится поэт —
В анатомическом театре.

Слишком много боли, слишком много...
Умер одинокий инвалид.
Богу не до нас, а нам до Бога —
Космонавт и тот не долетит.

По приказу родины в Афгане
Идеалы чьи-то защищал.
А потом в больнице в Абакане
Каждый год без памяти лежал.

Пять контузий, две сквозные раны,
Три развода, алкогольный чад...
Здесь, в земле, Иваны да Степаны —
Часовые родины лежат.

Романс

Вот так однажды без причины
Я утром серым не проснусь,
И по верёвке очень длинной
На небо павших заберусь.

Что будет сном моим последним?
Надеюсь, тот волшебный час
Когда под ливнем мощным, летним,
Судьба испытывала нас.

Мы ссорились. Но дождь, летящий
С небес стеною водяной,
Загнал нас под карниз гремящий
Своей надеждой жестяной.

Я осторожно сжал в объятьях,
Забыв про ссору и скандал,
Дрожащую, в промокшем платье,
Ту, что господь навеки дал...

Бунтарь на пенсии

Когда-то он хотел
Переделать весь мир —
Сейчас пытается обустроить
Свои шесть соток.

Тогда он был полон надежд —
Сейчас
Знает им цену.

Внучка Маргарита
Помогает выращивать
на клумбах маргаритки.

Мастер заслужил покой.
Но мастер не заслужил света.

За свет и воду,
Кстати, он платит исправно.

Когда я думаю о вечном,
Я знаю точно, наперёд:
Ночной порой в трамвае встречном
Лицо знакомое мелькнёт.

Я вскину брови удивлённо,
Но мой вагон уже прошёл:
С кем там двойник мой законный?
И что за ревности укол?

Куда он едет, что достигнет,
Удачливый и молодой,
Какая страсть его настигнет?
Та, что случилась не со мной?

Быть может, он там настоящий,
А я как тень его живу?
И если вдруг проснётся спящий,
То я исчезну наяву?!

Летит трамвай пустым проспектом,
и я уже не знаю сам,
Следит ли кто-то за объектом,
Когда он плачет по ночам...

Пахнет скошенной травой
В центре города в июле...
Загорелый, молодой,
Вот он я — сижу на стуле,

Замечтался, а сквозняк
Перелистывает книгу —
Знаменитейший босяк
В ней плетёт свою интригу!

Сеном пахнет день. Газон
Возле дома дворник косит.
Жизнь, похожая на сон...
Детство... Дальше — будет осень...

В. Корневу, М. Гундарину, И. Копылову

Где-то орёт дурниной
Чёрный облезлый кот.
А на мои именины,
Знаю, никто не придёт.

Кто-то сегодня не сможет,
Кто-то — уже никогда.
Что же так сердце гложет?
Это ведь всё ерунда?

Помнишь, клялись навечно:
В горе и счастье — друзья?
Вместе, мол, встретим вечер.
Прочая галиматья.

Жаль ту любовь, что однажды
Так и не смог отстоять.
Знать бы о самом важном —
Главное мне бы понять...

Что ж, одиноко по улице,
В ногу с весёлым дождём,
В «Грильницу» есть свою курицу
Вместе с тенями пойдём...

Памяти С. С. Маркова

Продавец воздушных шариков,
Детских сказок и мечты.
Он уже довольно старенький,
Но не молод ведь и ты?

Он всегда стоит у парка —
Снег, жара или дожди, —
Не отпустит без подарка,
но шепнёт: «Не приходи...»

Знаю, знаю, не ругайся,
Вырос мальчик тот давно.
В этот мир, как ни старайся,
нам вернуться не дано.

Но однажды ошибусь я
И на велике прорвусь —
За секунду до удушья
В ту верёвочку вцеплюсь!

И воздушный шарик смело
В синь уносит старика...
Там его худое тело
Скоро скроют облака...